

Высокий чудный дом старинный,
Овраг, и лес за поворотом,
И разговор живой, пустынный,
И собеседник дивный, вот он, –

Неведомо откуда взялся
И смотрит, точно отовсюду,
И словно он всего касался,
И внове проявился чудом, –

Все остальное там, за краем, –
Круги истории, разрывы,
Все то, что называлось раем
И чем на свете были живы.

Наверно, не договорили
Все здешние пруды и рощи,
Как люди жили и творили,
Как были царственной и проще.

Сужая дивный круг деяний,
В стране изысканно-пустынной,
Не сможем обойти вниманьем
Вот эти двух – отца и сына.

От них всего досталось много,
И эти вещи без вопросов,
Один историк был от Бога,
Другой от Бога был философ.

И дуновенье над метелью,
Что опушила эти плиты,
Сродни вселенскому веселью,
И все равно, что позабыты.

Но потому явиться надо
В обличье царственном и диком,
И эта странная балада
Как прежде, мыслит о великом.

Один рассказывал о Боге,
Что дал истории закваску,
Другой рассказывал о Боге,
Истории дающем встряску.

Друг другу не противореча,
Поскольку в разных измереньях,
Они таинственной и легкой
Мне объяснили смысл творенья.

К тому же сын всего касался,
Единым будучи при этом,
Он духовидцем оказался
И восхитительным поэтом.

И потому в пустынных парках,
Заговоривших без причины,
Не знаю царственной подарка,
Чем слог нечаянно-старинный.

Тут дня и ночи сочетанье
Раздольно явлено, без меры,
Вот как рассказанное втайне
Крушение небесной сферы.

А там, за ней, в большом проломе,
Один гигант средневековый
Ликует, как в отцовском доме,
Познать великое готовый.

И он же, дивный собеседник,
Что дан на эту зиму Богом,
Тысячелетия наследник,
Вот этого, веков посредник,
Что до поры молчат о многом...

ДУХ-ПРЕДВАРИТЕЛЬ

Ты заметил, что время летит,
Как Стрела из пучин Зодиака.
Это взгляд твой вернулся из мрака,
Чтоб стал свет. И холмы шевелит.

Нас не спросят, но древнее зло
Не само по себе растворится.
Кто-то адское сдвинул жерло, –
Ад разрушен, и многое зрится.

Первым Кто-то сказал наугад, –
Мы живем на античных руинах,
И теперь он великий собрат,
Повелитель мелодий старинных

И пастух несравненных камней
За проломом невиданной сферы.
Как нам быть? Из долины теней,
Из Вселенной в обличье Химеры.

Мы явились туда, где нас ждут,
Как поднявшихся чудом из бездны.
Тут мы сами, и встретимся тут, –
На старинной дороге железной.

Вот Обходчик бредет путевой,
Между Марсом и яркой Венерой,
Между мыслью чудесной и верой,
В бездне времени, – заново свой...

ЕГОРИЙ

*икона новгородской школы
в храме Ильи-пророка*

Поражающий Змия изысканно-прост,
Вполоборота на белом коне, –
Алый плащ, вьющийся в тишине,
В бледное золото невидимых звезд
Или в пустыню разборчивый взгляд,

И золото вкруг склонившейся головы;
Кольца змеиные прах шевелят,
Напоминая листья травы;
И голову змея, точно тавро,
Пронзила пика жалом худым, —
По ту сторону блеск и дым,
И все стерто обликом молодым, —
Прах, чешуя, золото и серебро...

ВЕСТНИЦА

Цветущей веткой, Творче, без разбора
Мелодии ты дал прозрачный ход,
И взял обратно, пусть себе растет,
Мелодия, как ветвь, но без простора.

Она сама – приволье, тьма и цвет,
И в слове, как во гробе, не желая
Найти опору, – вызов иль ответ, –
Да вот она, как вестница живая,
И речи про нее как будто нет.
Не то темна, как горные каменья,
Не то шумит, как желтая река, –
И звоны струн – они наверняка
Столетий чада, не рабы мгновенья...

ВСЕЛЕНСКИЙ ЛАД

Из ямы темной, мелодической,
Вот как начертан прошлый век,
Куда пойдешь? Да на побег!
Дар убежденья серафический
Воздвиг бы мертвых, а раз так,
Всё совершилось без помарок
Из ямы в совершенный мрак,
Но чудный, вольный, как подарок,
Ты угодил, как тот, кто в силах
Другой природы свет узреть,
И холод, что струился в жилах,
Да вот, как пламя, рассмотреть...

То люди Севера, ступая
По жилам царственного льда,
Их горсть достойная, скупая,
Бредёт неведомо куда.
Тут Бог и необъятно рядом,
Не поцелуем мерзлоты
Приходит Он, не снежным адом,
В котором чудом выжил ты,
А чем? Да хоть оленьим стадом,
Тут область новой красоты,
Тут льдом, огнем ее черты
Укреплены, вселенским ладом.

ПАМЯТИ ПОЭТА ВЛАДИМИРА КОРОБОВА

Кто тут рыдает? Да это метель,
Крутится связкой мелодий,
Прялка роскошная и колыбель
Звездных январских угодий.

Это Андроников монастырь,
Слезы из Средневековья,
Сжатая мыслью великая ширь,
Камень другого зимовья.

Тут наособицу крутится снег,
Точно Очаг где-то рядом,
Так пресекается времени бег
Новым привольем и ладом.

Где тут Андрея Рублёва очаг?
Нет, Он бредет за пределом,
Что ему здесь? А божественный мрак, –
Белым начертан на белом.

ПРЕДЕЛЫ МИРА

Я вряд ли думал, что будет так,
Но пламя старинных бесед
Играет тут, и расходитя мрак,
Когда исчезает свет.

Недаром прорежутся складки гор,
Не то, чтоб трещины лет,
И станет домашним, вещим простор,
Когда исчезает свет.

Он просиял, уходя за край,
На твердой вечерней черте,
Как будто это цветущий рай,
Послушный всей Красоте.

Что это было? И вот опять
(кремнистой дороге хвала!)
Тверда значеньем любая пядь,
И зыблется свежая мгла.

Прерывность Мира терзает дух
Недолго, – всякому хватит сил
Постичь, что он премудрый Пастух
И Стадо, как Ангел, изобразил.

К ДРУГУ

Посредине странствий земных
Взятые в Удел – от узилища Всех, –
Прямотой, таинственным блеском ума,
Все тут, и бессмертья слёзы иль смех,
И меч выходит из каменного холма
Древней земли, – вещи равны
Внезапным смыслом, – стол, очаг,
Водвинутые в божественный каталог
Сильного мира, – туда не направишь шаг,
Если тебя не окликнул Бог.

Внезапно земля превращается в дол,
Краткая хронология необъятно-проста,
Путь, по которому ты пришел,
Не имеет значенья, – истина и красота
В этом, – корни расплетаются в небесах,
Дворец, устроенный на руинах Дворца,
Ровня дубрав, в странствиях и чудесах,
И нечего рыдать, что не видно Отца.
Вещих знаков таинственный рой
Послужит утешеньем, не вспомнишь пока,
Пред тобой когда-то здесь являлся герой,
И, ни в чём не успев, расступились века
Пред его движеньем, сказочным, как река,
Вот малая часть о взятых в Удел,
В эпоху предательства и подмен
Ты делал всегда не то, что хотел,
Но так завершается варварский плен...

РОГ

Я книгу мертвых начерно листал,
Не слишком долго, все живут, мерцают,
Как безначальный, сказочный кристалл,
А то на лирах варварских бряцают.

Не то чтоб жизнь явилась как-то вдруг,
Как целый мир, – из сказочного Рога,
Как шум и звон; я знал, что светлый круг
Начертан миру, – по веленью Бога.

Я знал, что миру дан великий ход
И даже мрак непобедимо светел,
Но толк был в том, чтоб я алмазный свод
Не сразу, – а в пучине мглы, – заметил.

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПОРЯДОК ХОДА

Я понял, что время – неясный старинный глагол,
Достойный рыданий, вот только над чем, непонятно,
Тут хода порядок такой, что, куда ты пришёл,
Никто не ответит, но древо шумит благодатно.

Не сам по себе, а цветеньем, горой иль рекой,
Пойдешь, как решил иль заране схватил без желанья
В божественном мраке, – к движенью готовой рукой,
Уж ей-то известны сказанья, веленья, преданья.

Вот рында звенит, вот корабль полетел по волнам,
Тут встреча – везде, но причудлива графика мира,
Все это – и слово, и явь, что подвинуты к нам,
Как варварам древним, – певучая древняя лира...

Где ты, одиночество? Где тут числа волшебство?
А вместе с победой, которая тут коренится,
К чужому стремишься, ничем не сломив своего,
И всюду находишь своё, что к тебе же стремится...

Есть радости невероятный ход,
Она как будто, знать не зная,
Сюда явилась, и с другого края
Всемирной бездны, где она растёт.

Ты знаешь край, где яворы шумят?
Иль Сирины поют без перевода?
Он тут и там, но был удержан взгляд,
Чтоб радость чудом не имела хода.

Да тут очаг, да вот же, это Он,
Трилистник в этих радостных камнях,
Да ты пришла! Неясная в виденьях,
А тайна – наяву, – и шум, и звон,
И слухом облюбованы, и зреньем,
Не стон Земли, но даже если Стон...

Есть в сумерках пресветлая черта:
Она из графики чудесной
Выходит, – как живая красота, –
Земной, дорожной и небесной.

И сумерек неодолимый вождь,
Гробовщика обличие имея,
Меняет знак, и безупречный дождь
Вдруг сыплется, дымясь и пламеня.

И дьявол, совершенный богослов,
Тут поражен безмерным изумленьем,
Среди камней печален, – Бог помилуй,
Да он же, гром иль совершенный ум,
Тут сломлен красотой, как дикой силой.

Тут доблесть церкви деревенской в ней,
А там, над кладбищем великих скоморохов,
Трилистник пламени, как ход незримых дней,
А даль пространств, как храм Ильи-пророка...

ТОСКА-КРУЧИНА

Великий мир, наполняющийся тоской,
Радует сердца, на ходу пресекая, – ее,
Внезапно то, что казалось черной доской,
Предстанет иконой, – Георгий вонзил копье

В серебряные кольца Дракона и чудно глядит,
Точно в Рай, в земляной Океан, —
Тоска-кручина Древом встает посреди,
А не то вьется, как благодатный туман

В псковских лесах, – осенью или весной,
В Элизиуме совершенном, где хоровод, —
Птиц и зверей, – рисующих круг земной,
На котором располагается вечный народ, —

Черный монах, выходящий из черноты,
Покажется огромным, угрызнувшим в темных веках,
Пока не увидишь, – что он такой же, – как ты,
Кисти, книга, и роза в руках, —
Монастырская, ослепительной красоты...

СТОЛБЦЫ О ВРЕМЕНИ

*Владимиру Макаренкову
На 15-летие альманаха
ПОД ЧАСАМИ*

Земля другая летит к Земле,
И то не ужасный сон,
А Встреча, начертанная в Числе
Бегущих, как волны, времен.

Летят друг к другу материки,
Хребты и развилины рек.
И, верно, нам горевать не с руки
Листая за веком век.

При чем тут время, как некий знак,
Коль ясно, что в тот же час,
Ты там, где будешь? – а если так, –
Но это другой рассказ.

И там, где не был, а здесь, где ты,
(Элейской школе поклон!)
Тут все – вместители красоты,
И ужас со всех сторон.

Вот мысль о времени, – это ход,
Да только совсем иной,
И что-то роет премудрый крот,
И Царь вернется домой.

А время – это любой предмет,
Да в нем обитает магнит.
И в этом тайного смысла нет,
Но Дерево Желаний шумит.

И семь стволов, и разбег ветвей,
И листья с тобой заодно –
Да где-то рядом умолк соловей,
Гафиз разливает вино.

Но время, Талифа храни от него, –
То зверий неясный след,
Искусство чистое и волшебство,
Оттуда возврата нет.

Качнется маятник, дождь заблестит
Да кто-то спешит во ржи
К тебе навстречу, И Бог простит
Явление времен чужих...

РОЖДЕСТВО НОВОГО ВЕКА

Я заметил, что все проходит,
Возвращаясь в урочный час,
И веселые речи заводит
Новый век, прилежавший нас.

Мне богатство дано сегодня,
И на том покоится Твердь,
Верно, воля на то Господня, –
Видеть молодость, видеть смерть.

Вот по-царски проходит старуха,
Строгой свечкой озарена,
Вот, как веянье чистого духа,
В тишине молодеет она.

Вот прекрасная юная пара,
Я не знаю, где и когда
Видел я зацветанья дара,
Что попал ненароком сюда.

Все разрублено на две части,
И встают круги бытия,
Не имея единой власти, –
Этой властью владею я.

Для того совершилось зренье,
Весь простор его и чекан, –
Видеть тленье, видеть Творенье,
Что уходит в цветной туман.

И легко связать воедино
Два уголья юдоли земной,
Поглядишь, а в храме пустынно,
Даже это было со мной.

Но грядущее не безплотно,
А таинственно взято в Удел,
И придется принять свободно
То, что взять от небес хотел.

Да в распевах церковного хора
Как слышится «Дева днесь...»
Верить звукам живого простора,
Что единое крепится здесь...

ПОЦЕЛУЙ АНГЕЛА В ОБРАГЕ

Ты возвращаешься, мелодия, из бездны
Дней, лет, веков, туда, где саранча
Летает тучей, свет затмив небесный,
И все пожрет, растенья, кров, очаг.

Но как-то связаны ужасные явления,
Тут зеркало во мраке, тут наход
Прекрасных звуков для иных забот,
И сгинет саранча, – как поколенья,
В истории поддельной ясный брод
Найти не в силах, и недоуменьем
Закончится России черный год...

ПАМЯТИ ДЕМОНА

Как все было? Да связка мелодий
Из диавольских сфер
Долетела, как вещий пример,
До старинных угодий.

Все распалось, как Демон велел,
Расползлось, расточилось,
Даже сам Он не то окошел,
Иль иначе решилось.

Перечеркнуто время, как слово,
И другое взамен
Кто-то чертит, чтоб варварский плен
Не устроился снова...

Огнекрылая туча находит,
Дольний рокот теснится навстречь
Красоте, что случайно заводит
Никогда не звучавшую речь.

Когда закончится война,
А мир начаться не успеет,
В Аду издохнет сатана,
И темный дуб зазеленеет.

О да, старинный этот Ад
Повсюду зыблется и зрится,
Нас ждет готовая темница,
А рядом белоснежный сад.

На что он? Но живая мысль
Явилась, как предел цветенья,
А с ней – ужасные виденья,
Да тут же с миром разошлись.

С Костлявой в карты не играть,
А жить нездешними трудами, –
И мир нетленный собирать
В корзины, – зрелыми плодами...

МЕЛОДИЯ И ХУДОЖНИК

Ты с ним без принужденья столь добра,
Не без участия мудрости змеиной,
О да, в расщепе ясного пера
Он для тебя нашел удел старинный.

Ты жестче стала здесь, но веселей,
Туманностью ты стала Крабовидной,
Костром в пустыне, сказочных углей
Мерцаньем, гулом, корабельной рындой...

Не заунывной песнью (Где? Когда?)
О чем-нибудь, да хоть бы о Потопе,
Да нет, паваной, и принцессой в гробе,
И вдруг живой и ясной, как всегда...

ОКНО В ЦЕРКОВЬ

На том краю Вселенной, где-то там
Я помню крепкий дом и белый храм,
Как доказательство существования Бога,
В тот храм вилась старинная дорога,
С горы в долину влажную, из лога,
Где сеял дождь всегда, как будто так,
Из звонкого, прорешливого рога,
И, покидая тот волшебный мрак,
Дорога красотой неимоверной всей
Должно быть, заходила в Элизей.
Над Белым озером шумели облака,
И молнии вились, как гений места,
И чистый Дух струился, как века,
Вкруг церкви Власа и Модеста...

Куда пойдешь? Нам целый мир чужбина,
Как говорил таинственный певец.
Как на ладони – милая долина,
А в ней великолепный гул сердец,
Сокрытый двигатель, первопричина
И, может быть, начертанный венец.
Да тут нельзя остаться, Бог помилуй,
Тут Колыбель, и гады к ней ползут.
Задушишь их в объятьях, – тут как тут,
Тебя зовут с неодолимой силой
И Промысел, и несравненный труд.

К черту этот мир Модерна,
Что шумит из всех углов,
Это дьявольская скверна
Иль космический улов. –

Знать нельзя, но можно сходу
Не желая тленных дел,
Возвратиться на свободу
За неслышанный предел.

Видишь, замерли столетья,
Труд замолк, как вещий гул,
Из всемирного наследья
В необъятное шагнул.

Видит он, Огонь, Пещера,
И Дитя среди рогов,
И Рождественская Сфера,
Как живой и вещий кров...

ЗАГАДКА

Я не знал, что так бывает,
Правда, верил – неспроста,
Что чужбина – убывает,
Но приходит – красота.

Серафическим, звериным
Следом, ходом бытия,
А не то углом старинным,
Где другие – ты и я.

Мягкий снег средневековья
Выше радостей и бед,
Что за мир – без предисловья –
Развернулся, как Ответ?

Что за город я увидел
В том пленительном году?
Эти стены, эти башни,
Точно горную гряду?

Как чужбина убывает,
Так-то вольно говорит,
Новым солнцем завывает,
Белым пламенем горит.

Вся земля звалась чужбиной
В этот год, но здесь, сейчас, –
Разрослась из мысли длинной
В точный, царственный рассказ.

Что я спрашивал? Откуда
Я пришел, чтоб разгадать
Начертанья тьмы и чуда,
Тайну, свет и благодать?

И, уверенный в незримом,
Тайну встретив наяву,
В мире этом обратимом
Без возврата я живу...

КРУГ

Все будет так или иначе,
Но безысходно ясен путь.
Душа моя! Давай заплачем
Когда-нибудь, когда-нибудь.

С полей вернувшись элизейских,
Вот так рыдала ты впотьмах,
В краях Московии злодейских,
На шумных призрачных холмах.

И снова горькими слезами
У Древа Жизни, там, в раю,
С тобой весна под небесами
Окликнет родину свою.

Как волшебство единой нивы,
Огня и ветра тайных вздох.
И свет обратной перспективы
И взгляд, которым правит Бог...

Городские стихи потрясают тоской,
 И без них обоюдный простор городской;
 В них узлы и закруты подземных дорог,
 Где по лестнице адской с подругой своей
 Ты плывешь, точно элин, измеривший рок
 И заранее спасенный разгадкой скорбей;
 И недаром зловредного полиса круг
 Начертил ты до опыта в ясном уме,
 И таинственно-весел, и полон заслуг,
 Ты живешь, как Пракситель, в разрубленной тьме,
 Вместе с Фриной своей превращен за грехи
 В золотые стихи, в городские стихи.

ЕДИНОЕ

Я уже мелодии не верю, –
 Божьей дудке, тьме полуземной.
 Вот за эту скорбь или потерю
 Шумный Див рыдает надо мной.

Это дождь евангельский прольется
 Как-то так, что нечего гадать, –
 Что уходит или остается
 Или где таится благодать.

Днепр шумит и блещет из-за тына,
 Это радость, но таится в ней
 Мысль, – что с древним хаосом едина,
 И печаль, что утра мудреней.

Все равно не верю, То иль Это,
 Но порядок Хода прост и чист,
 Как прерывный соловьиный свист, –
 Здесь, сейчас, не прежде или где-то...

СЕРГЕЮ РАХМАНИНОВУ

Русская мелодия, низкие небеса,
Точно кедровый лес, – закатная полоса
Переходит в рассвет, крепостные ворота
Открываются, и античный рассвет
Обнимает дубы, льется тысяча лет
Из кувшина, – и черт посреди огорода
Окончательно спутался, – русский мужик
Загадывать мастер, и нет разгадки, –
Отрок берет свирель, и пламя среди межи
Золотой ящерицей хватает за пятки, –

Вьются триста веков, это дух огня, –
Совершенной прохладой, – тебя, меня
Овевает, – русская мелодия, лето,
Возвращенный, потерянный и совершенный рай,
Конь, отпущенный скорбь тому, поднимается где-то,
Встает из нивы, – да ты только играй, –
На свирели верной, полуприкрыв глаза,
Вброд переходя поток, ясный, как небеса...

МОНАСТЫРСКАЯ ЗЕМЛЯ

В этих кельях сегодня темно.
Дуб-подросток в знакомом пейзаже
С древней радостью смотрит в окно
И недаром поставлен на страже.

Все равно, что народ далеко
И прекрасен, как вешие тени, –
И нечаянно знают ступени,
Как входить безысходно-легко.

Как гнездо, расшумелся очаг,
И трилистник огня золотого
Только ждет, что нечаянный шаг
Прошумит, как внезапное слово.

Потому что в алмазной пыли
И в мерцании влажных жемчужин, –
В этой дымчато-синей дали
Некий редкостный звук обнаружен.

Верно, арфа Давида-царя,
Что великим прославлен смиреньем,
В этих долах звучала не зря,
И чудесным растет избавленьем.

В бриллиантах и каракулях
Стоязыкий Петербург,
Электрический, во мраке ли,
Прост и чист, как демиург.

С фонарями на моторах
И похожих на гроба,
Веют песни, из которых
Вьется лунная тропа.

Провалилось все заране
Или зыблется сейчас, –
Не узреть в живом тумане.
Только блеск прекрасных глаз.

Как чума или холера,
На гигантский материк
Вроде вещего примера
Переходит этот лик.

Да едва ли растворится,
Разве словом станет вдруг, –
Да внезапно озарится, –
Бог заходит в этот круг...